SECTION VI. PHILOLOGY AND LITERATURE STUDIES

Аутлева Ф.А., Симбулетова Р.К., Шхумишхова А.Р.
Лирика поэтов разных стран в переводах С. Маршака

Адыгейский Государственный Университет
(Россия, Майкоп)

doi 10.18411/gq-31-07-2021-21

Аннотация

В статье говорится об особом месте темы духовности в художественном пространстве переводов Маршака, в решении которой просматривается наличие триады «Восток-Запад-Россия». Она основывается на существовании двух полярных в духовном и нравственном плане областей его творческого интереса, несущем в себе научный, культурологический и онтологический смысл. Рассмотрены особенности маршаковских переводов поэтических произведений авторов из разных стран.

Ключевые слова: художественный перевод, восприятие мира, национальная культура, этнокультура, национальный характер.

Abstract

The article speaks about the special place of the theme of spirituality in the artistic space of Marshak's translations, in the solution of which the presence of the "East-West-Russia" triad is seen. It is based on the existence of two spiritual and moral polar opposite areas of his creative interest, which carry a scientific, cultural and ontological meaning. The features of Marshak's translations of poetic works of authors from different countries are considered.

Keywords: literary translation, perception of the world, national culture, ethnoculture, national character.

Исследование национальных образов (моделей) мира, постигаемых как духовное единство в богатстве национальных вариантов, как справедливо утверждает Е. Сидоров, требует нового маргинального языка исследования, «на стыке научного и художественного мышления». Возрожденная Георгием Гачевым и Дмитрием Лихачевым традиция философски свежего восприятия национальных культур как не случайного, а органичного явления за последние десятилетия получила интенсивное развитие в сферах этноэкологии, этнопсихологии, этнокультуры, экологии культуры, экологии души.

Учитывая некоторые характерные особенности мировоззрения С.Я. Маршака писателя, триада «Восток-Запад-Россия» в его произведениях служит инструментом, доносящим творческую мысль автора до конкретного читателя: альтруизм писателя примиряет в лучших его сочинениях «Западное» и «Восточное» восприятия мира. Две постоянно всплывающие темы размышлений доминируют поочередно и ставят перед исследователями вопросы об объективности и действительном смысле всего творчества поэта. Эта проблема, проецируясь на биографию писателя, разрешается как ветхозаветная притча о блудном сыне. Движение и в творческом, тематическом, и в жизненном, биографическом планах происходит у Маршака, как это ни парадоксально, с Запада на Восток.

Каждая эпоха имеет свои любимые песни. Это верно и в отношении переводов. Одно поколение, сменяя другое, выбирает из сокровищницы мировой поэзии то, что ему наиболее созвучно. Успех романтических немецких и английских баллад в начале XIX века у русского читателя объяснялся высокими достоинствами переводов Жуковского. Несколько десятилетий спустя в России появились песни Беранже, великолепно переведенными Курочкиным. Песни поэта Роберта Бернса, сонеты Шекспира именно благодаря отличным переводам Маршака стали «фактами русской поэзии». Чем же в общих чертах определяется характер переводческой работы

Маршака? Мерилом всякого художественного перевода в первую очередь является, конечно, точность. Но точность — далеко не единственное условие. Забота о буквальной передаче слова еще не дают переводу широких прав и, по замечанию Брюсова, часто могут даже обернуться предательством, исказить смысл и дух произведения.

Таких переводчиков-буквалистов еще Тургенев в статье о русском переводе «Фауста» сравнивал с детьми, которые, измеряя циркулем и линейкой расстояние от глаза до губ в своем рисунке и в оригинале удивляются, что у них выходит не то[1]. В той же статье Тургенев замечал: «Это не источник, который свободно и легко бьет из недр земли: это колодезь, из которого со скрипом и визгом насос выкачивает воду. Вам беспрестанно хочется воскликнуть: браво! еще одна трудность преодолена!.. Между тем как нам бы не следовало и думать о трудностях» [1;44].

Там, где верность подлиннику соединяется с духом творчества и следование за буквой перевода не становится догмой, не стесняет творческую свободу художника, не превращает его в пленника чужого языка, чужого синтаксиса, чужого строя речи, перевод обретает прелесть оригинального произведения.

В таких произведениях поэт-переводчик проникается духом подлинника, как бы заново переживая оригинал. Стихи окрашиваются его личностью. А без этого стих неизбежно окажется пресным и вялым, механическим копированием подлинника. Но если поэт-переводчик не может полностью исключить свою индивидуальность, то он не может, не вправе и подавлять собой личность автора. Все дело в художественном чувстве меры, в умении слить свои мысли и чувства с мыслями и чувствами переводимого поэта, сохраняя при этом и свое к нему отношение. Отправляясь от деталей и частных, и от целого, он обретает ту необходимую творческую свободу, которая и обеспечивает переводу наибольшую достоверность. Стихотворение Гейне «Сосна и пальма» переводили большие русские поэты — Тютчев, Майков, Фет. Но лучше и тоньше всех выразил чувства поэта Лермонтов. И не потому, что он был наиболее точен. У других переводчиков есть более точные и близкие к оригиналу строки, чем лермонтовский вольный образ: «И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим одета, как ризой, она» (стихотворение Михаила Лермонтова «На севере диком стоит одиноко...», написанное им в 1841 году). Но Лермонтов оказался ближе не к букве, а к духу произведения. Тут, как и в лермонтовском переводе стихотворения Байрона «Душа моя мрачна», поражает необычайная цельность чувства, глубина душевного переживания, которые, соединившись с высоким мастерством, сделали эти стихи достоянием русской поэзии.

Следуя традициям русской переводческой школы, Маршак-переводчик всегда стремится создать соответствующие русские стихи, которые воспринимаются как оригинальные произведения, звучат по-русски и в то же время остаются английскими, шотландскими, немецкими, венгерскими стихами — стихами Шекспира и Блейка, Бернса, Браунинга, Гейне, Петефи. Среди переведенных Маршаком — поэты Грузии, Литвы, Латвии, Финляндии, Норвегии, Чехословакии, Монголии и других стран и народов, стихи С. Нерис и Ш. Петефи, О. Туманяна и Леси Украинки, Ф. Богушевича и Л. Квитко, Д. Родари и Р. Киплинга. Книги самого Маршака переведены на десятки языков. Многие стихотворные сказки поэта являются оригинальными авторскими переложениями грузинских, армянских, узбекских фольклорных текстов.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что немало переводов С. Маршака, начиная с конца 1950-х годов стали текстовой основой музыкальных произведений — популярнейших отечественных песен, баллад, романсов, созданных композиторами разных уровней и направлений — от Георгия Свиридова (цикл песен и романсов из Роберта Бернса) до Александра Градского (Р. Бернс «В полях, под снегом и дождем...») и Сергея Никитина (Р.Киплинг «Бразилия (Из Ливерпульской гавани...)»). Это и песня из репертуара А.Б. Пугачевой на текст сонета № 90 У. Шекспира «Уж если и разлюбишь, - так теперь...». Тексты этих песен и других стихов-переводов С.

Маршака афористичны, исполняются не только профессиональными музыкантами, но живут и в художественном сознании, эстетической памяти народа, цитируются им органично, без осознания авторства слов, что является признаком истинной народности. Это касается, например, идиоматического выражения «*Вся королевская рать*», давшего название переводу на русский язык романа Роберта П. Уоррена (перевод В. Голышева). Это словосочетание имеет самостоятельное хождение, когда даже не возникает ассоциации с «породившим» его переводом С. Маршака:

Вся королевская конница,
Вся королевская рать
Не может Шалтая,
Не может Болтая
Шалтая-Болтая собрать... [2;84].

Название романа Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» содержит реминисценцию маршаковского перевода стихотворения Р.Бернса «Пробираясь до калитки вечером во ржи».

В цикле прекрасных, овеванных тонким юмором миниатюр Дмитрия Гулиа «В нашей деревне» перед Маршаком стояла иная задача. Другая эпоха, другой народ, строй речи. Но в переводе мы снова ощущаем особенности национального характера, обаяние национального языка, переданного русским стихом:

До родника спускаться — час,
Потом наверх взбираться — час,
И воду брать, нагнувшись, — час,
И отдыхать, вернувшись, — час...
Так был далек
Тот родничок,
Что под горой бежал у нас [3;509].

В строчках стихотворения «Родник» явственно различима живая, эмоциональная речь горцев, жителей маленького абхазского селения. В веселом «Хороводе», сборнике чешских детских потешек, живет шаловливая грация чешской детской народной песенки:

Можно ль козам не бодаться,
Если рожки есть?
В пляс девчонкам не пускаться,
Если ножки есть? [2;196].

В переводе стихов Юлиана Тувима о столяре, смастерившем стол, перекликающихся с собственным стихотворением Маршака «Откуда стол пришел?», подобралось немало русских слов, созвучных польским. Благодаря этому и самый стих как бы зазвучал по-польски:

Хлопцам пришлось поработать немало,
Прежде чем дерево наземь упало.
Добрые кони в пене и мыле
На лесопилку его притащили.
Пилы его распилили на доски,
Зубья погнули о ствол его жесткий.
Доски и планки были шершавы,
Взял их в работу столяр из Варшавы.
Опытный мастер — Адам Вишневский
Ладил рубанки, пилы, стамески [3;457].

Этой же задаче приближения к звуковым и метрическим особенностям польской поэзии служит и столь характерный для метрики польского стиха перебой ритма: «Опытный мастер — Адам Вишневский».

Из сокровищницы мировой поэзии Маршак выбирает то, что ему близко как художнику, что непосредственно перекликается с его собственными стихами. Во всяком случае, зная творческий путь поэта, его давнее внимание к фольклору, легко объяснить интерес Маршака-переводчика к английским и шотландским народным балладам, от которых дорога ведет прямо к Шекспиру и Бернсу, легко объяснить прочный интерес к очень народной по своему духу музее Петефи и Леси Украинки, Саломеи Нерис и замечательного белорусского поэта Франтишека Богушевича. Горькая и нежная «Колыбельная» Богушевича, говорящая о самых сокровенных чувствах белорусского народа, имеет право занять свое достойное место в мировой поэзии, наряду с такими стихами, как сонеты Шекспира или песни и баллады Бернса.

Не раз обращался Маршак к сказкам и сказаниям других народов — грузинским, чешским, монгольским, латышским, норвежским. Плутоватый кот-скорняк из остроумной сказки Ованеса Туманяна, сродни лукавой Тете Кошке из «Сказки о глупом мышонке».

Думается, не случайно именно С. Маршак открыл русскому читателю и стихи итальянского поэта Джанни Родари. Маршак любит вкус, цвет, запахи разных ремесел. В лаконичной манере, присущей поэзии того же Маршака, с использованием точных деталей, рассказано, например, у Родари, чем пахнут ремесла:

У каждого дела
Запах особый.
В булочной пахнет
Тестом и сдобой.
Мимо столярной
Идешь мастерской —
Стружкой пахнет
И свежей доской.
Пахнет кондитер
Орехом мускатным,
Доктор в халате —
Лекарством приятным.
Рыхлой землею,
Полею и лугом
Пахнет крестьянин,
Идущий за плугом
Рыбой и морем
Пахнет рыбак
Только безделье
Не пахнет никак.
Сколько ни душится
Лодырь богатый.
Очень неважно
Он пахнет, ребята! [3;371].

В поэзии Родари Маршаку многое было по душе: и то, что итальянский поэт тоже привлек народную считалку и загадку, и то, что в своих стихах он стремится научить своих маленьких сограждан понятиям «мир», «свобода», «труд». Искусно соединено смешное и серьезное в «Стишке про летнюю жару и городскую детвору». С большой сердечностью и нежностью к детям поэт пишет в этих стихах, что, если бы его избрали президентом, он запретил бы детям летом жить в городах и подарил бы им Альпийские горы.

Во всех переводах Маршака есть та необходимая для художника творческая свобода, о которой уже говорилось. Она допускает порой отступления от буквы, но не

от духа подлинника. В лучших переводах Маршака всегда есть точность портрета. Если речь идет о народной поэзии, — например, латышской, — мы живо ощущаем крепкую, здравомыслящую, добродушную и в то же время строгую музу латышских крестьянских песен; если речь идет о переводах лирики Шекспира и Бернса, мы чувствуем, так же как в стихах Беранже, переведенных Курочкиным, все обаяние личности каждого из этих поэтов. Со всей полнотой доходит до нас присущая сонетам Шекспира глубина мысли, изящной, тонкой и притом смелой, независимой и правдивой. В стихах Бернса прежде всего пленяет образ самого автора — свободолюбивого, неподкупного человека, гордого сознанием, что все лучшее дается людям бескорыстно, что честность, как и простые человеческие радости, нельзя купить ни за какие деньги.

1. И.С. Тургенев. Сочинения, М — Л., Гослитиздат, 1963, т. XII.
2. Маршак С.Я. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 2. Том 2. Изд. Художественная литература». М., 1968.
3. Маршак С.Я. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 4. Том 4. Изд. «Художественная литература». М., 1968.

Гейдарова Э.А.

Метафорические номинации в лексике трудовой деятельности (на материале русского островного говора Азербайджана)

*Бакинский государственный университет
(Азербайджан, Баку)*

doi 10.18411/gq-31-07-2021-22

Аннотация

Рассматриваются метафорические номинации в лексике, связанной с трудовой деятельностью носителей русского островного говора Азербайджана. В результате проведенного исследования выявлено 26 метафор. В рамках четырех лексико-тематических групп («Земледелие и скотоводство», «Пчеловодство и садоводство», «Рыбный промысел», «Ткачество») представлены биоморфные (11), предметные (9), социальные (4) и геоморфные метафоры. Исследование показало, что для создания метафор активнее всего используется биоморфная сфера. Источником метафоризации выступает не только исконная, но и заимствованная лексика.

Ключевые слова: русский островной говор, лексико-тематические группы слов, метафорические номинации, лексика трудовой деятельности, земледелие, скотоводство, пчеловодство, садоводство, рыбный промысел, ткачество.

Abstract

Considers metaphorical nominations in the vocabulary associated with the labor activity of native speakers of the Russian island dialect of Azerbaijan. As a result of the research 26 metaphors were identified. Within the framework of four lexical-thematic groups («Agriculture and cattle breeding», «Beekeeping and gardening», «Fishing industry», «Weaving») biomorphic (11), subject (9), social (4) and geomorphic metaphors are presented. The research has shown that the biomorphic area is most actively used to create metaphors. The source of metaphorization is not only native, but also borrowed vocabulary.

Keywords: the Russian insular dialect, lexico-thematic word groups, metaphorical nominations, vocabulary of labor activity, agriculture, cattle breeding, beekeeping, gardening, fishing industry, weaving.

Русский островной говор Азербайджана, «сформировавшийся из разных диалектов русского языка, в иноязычном окружении приобрел ряд общих черт,